

о. Анри Мартен

БРОСОК ЧЕРЕЗ СЕБЯ

Против материалистов

Во многих видах борьбы имеется приём «бросок через себя», когда борец как бы поддаётся импульсу атакующего противника, а потом, используя его же силу, бросает противника через себя и добивается победы.

Сейчас я собираюсь применить этот приём против материалистов.

Двадцать лет назад марксизм с материализмом казались полностью утратившими актуальность; как тогда говорили, «практика марксизма снимает с повестки дня вопросы его теории» (Ю. Гнедков). Но сейчас, когда человек, снявший «Собачье сердце», вступает в компартию, вспомнить о нём представляется нелишним.

Допустим на минуту, что материалисты правы и что весь мир — это только вечная никем не сотворённая материя, не имеющая ни начала, ни конца, которая всегда была и всегда будет, и вечно развивается, точнее, видоизменяется (по

Марксу — «движется») согласно присущим ей самой законам и взаимосвязям.

В классическом марксизме эта картина выглядела более последовательно: ни конца, ни края ни в какую сторону, ни в пространстве, ни во времени; однако столь излюбленная марксистами наука-физика поднесла им в двадцатом веке неприятный сюрприз своей теорией первовзрыва. Они её, конечно, переварили: каким бы ни был мир до первовзрыва, всё равно эта была материя, только в какой-то неведомой нам форме.

Ладно; однако всё равно выходит, что прав был Ньютон, допускаящий первотолчок, за что Энгельс обозвал его «ослом по индукции», а вот, выходит, поторопился.

С пространством тоже стало не совсем уютно: каким-то образом по современным представлениям получается, что даже пространство наше ограничено, и где-то в популярной статье я прочитал, что сосчитали даже примерное количество всех атомов во вселенной: число огромное, а всё-таки конечное.

Так уже поближе к библейской картине мироздания, но материалисты всё равно продолжают утверждать, что всё, тем не менее, происходит само собой, без вмешательства какого-либо Разума извне, согласно внутренне присущим составляющей мироздание материи свойствам. Об этом и поговорим.

Прежде всего, классический материализм претендует на научность. А научность предполагает за мирозданием как минимум два свойства: некоторую упорядоченность, а также единство; иначе никакая наука попросту невозможна, остаются только описания типа: «у одних людей голова на плечах, у других — наоборот», а почему — неизвестно.

Чтобы что-то можно было бы осмыслить, в нём должен содержаться хоть какой-то смысл. У мироздания какой-то смысл, по счастью, наблюдается: наука в нём подметила немалое число закономерностей, которые как будто выполняются, сколько мир стоит, и на этой основе мы строим обоснованные утверждения и предположения, которые оправдываются (чему порукой наши изумительные технологии).

Но мало того, что мир умопостижим: он ещё и един, т. е. от края и до края подчиняется одним и тем же законам (на краю мира никто ещё не побывал, но данные астрофизики достаточно убедительно свидетельствуют, что и там соблюдаются те же знакомые нам зависимости).

Всё это, собственно, условия не только материалистической, а вообще любой науки: единство (некоторая стабильность) и умопостижимость предмета изучения. Иначе было бы попросту невозможно хоть что-то изучать. Но вот откуда они берутся, эти условия, вопрос не для науки: нам просто повезло, что мы застали мир таким, каков он есть, и поддаётся изучению. А

может ли существовать какой-то другой мир, по-иному или вообще никак не организованный, вопрос не для науки, а для фантастов. Учёный отвечает на вопрос о том, что есть на самом деле, а не о том, что было бы, если бы да кабы...

И вот материалист хватается учёного за рукав и спрашивает: «А скажите, разве мир, каким мы его видим, не мог бы существовать сам по себе, без какого-либо разумного Творца?».

Пафос вопроса в том, что если мироздание так разумно устроено, то, наверное, вполне способно само осуществлять своё существование... Парадоксально, правда? — «Мир так разумен, что ни в каком разуме вне себя не нуждается». Ну да, зачем же какой-то там Разум, когда всё и так разумно?

И вот учёный устами Лапласа отвечает на вопрос о Верховном Разуме: «Я не нуждаюсь в этой гипотезе!».

Часовщик нужен, когда часы ломаются, а пока идут, никто о нём не вспоминает...

— А кто их сделал, эти часы?

— А никто, они стояли тут всегда!

— ...!?

Кто бы, однако, ни запустил эти часы, люди давно догадались, что их завод рано или поздно может закончиться.

Исходя из теории первовзрыва, здесь перед нами два сценария: либо всё вещество во вселенной, все галактики разбегаются с недостаточной

скоростью, чтобы когда-нибудь навсегда и совсем друг от друга оторваться, либо с достаточной.

В первом случае разбег через какое-то время прекратится, галактики и звёзды начнут притягивать друг дружку и сбегаться обратно всё быстрее и быстрее, и наконец сольются в одну невообразимую массу, которая под собственной тяжестью сожмётся буквально в точку («гравитационный коллапс»), после чего случится не знамо что, но, вполне возможно, новый «перво-взрыв». И так до бесконечности.

Во втором — галактики так и будут разбегаться в разные стороны, так что в конце концов потеряют друг дружку из виду, значит, звёзды на небесах погаснут; впрочем, наше Солнце погаснет ещё раньше.

Который из сценариев осуществится на практике, пока ещё не ясно. Всё зависит от средней плотности вещества во вселенной, от скорости разбегания, а этого всего учёные с достаточной точностью ещё не подсчитали. Когда-нибудь, наверное, подсчитают, но, скажем, индийцы, не дожидаясь результата расчётов, придерживаются первой версии: в Ведах такой промежуток между вспышками «перво-взрыва» называется «День Брахмана», и указана даже его длительность, не припомню теперь, какая, но, во всяком случае, не малая...

Мироздание как бесконечная череда вспышек-взрывов, разбрызгивающих галактики во

все стороны, которые потом неизменно втягиваются обратно — какая удручающая перспектива!

Правильно оценил такую перспективу Фридрих Ницше, в интерпретации которого дело выглядело так: пусть число атомов во вселенной и число всех их возможных сочетаний бесконечно; однако время существования вселенной тоже бесконечно, а на бесконечности любое сочетание атомов с неизбежностью будет повторяться бесконечное количество раз. Что значит: все мы обречены переживать одно и то же бесконечно (если, конечно, вместе с Ницше считать себя лишь сочетанием атомов). Из такой интуиции многие выводят «дежа вю» и даже карму.

Мысль о бесконечном воспроизведении моей персоны может показаться привлекательной, но это пока я сижу в добром здравии за компьютером или с книжкой на диване. Если мне предстоит бесчисленное множество раз умирать от рака, не говоря уже о более причудливых, но не менее мучительных исходах, о которых никто из нас ничего для себя не знает, самым разумным было бы, пожалуй, поставить точку в виде безболезненного самоубийства. Ницше, собственно, к такому выводу и пришёл, но обезумел прежде, чем успел воплотить его на практике. Бессмысленный и бесконечный повтор одних и тех же ситуаций что может породить, кроме безумия? — Ибо безумен бесконечно воспроизводящий себя без всякой цели мир.

На этом фоне противоположная гипотеза значительно выигрывает: смыслу не прибавилось, но по крайней мере маячит окончательный исход.

Хорошо; но каковы же наши временные перспективы? Сколько нам остаётся ещё ждать «гравитационного коллапса» или же «тепловой смерти»? — Вспоминается, как ещё при советской власти по телевизору показывали коллоквиум на эту тему ведущих советских учёных-физиков: важные, уверенные, они солидно обсуждали, что именно нас ждёт и когда, и пришли к общему выводу, что в любом случае, счёт идёт на многие миллиарды лет... Можно вздохнуть спокойно? — Так они и сделали, как сейчас помню чувство удовлетворения, отражавшееся на их лицах.

А радоваться и вправду есть чему. Многие миллиарды лет — немалый капитал, если с умом им распорядиться. Ведь как бы ни разбегались галактики, существует фактор, не учитываемый астрофизикой: мы с вами. За остающиеся миллиарды лет мы вполне можем развиться настолько, чтобы полностью овладеть и подчинить себе все (действительно ВСЕ!) материальные процессы, включая время, поскольку время тесно связано именно с материей. И отменить и тепловую смерть, и просто смерть, и гравитационный коллапс. И вообще всё, что нам не будет нравиться. Сделаться, по сути, Богом, Который

«творит все, что хочет, на небесах и на земле» (Пс 134,6).

Можем, конечно, и не развиваться, это как повезёт; но принципиальных препятствий я не вижу.

Те, кому трудно такое себе представить, пусть прикинут: если мы в большинстве своём, даже не обязательно материалисты, верим, что слепая эволюция могла за какие-то жалкие пару миллиардов лет произвести из неживой материи такое чудо, как человеческий глаз, не говоря об остальном, то почему же за многие миллиарды лет эта же эволюция, только уже не слепая, а направляемая нашим разумом, не сумеет достичь самых невероятных результатов? — Вот посмотрите, весь наш технический прогресс, от паровой машины до нанотехнологий, длится немногим дольше пары сотен лет... Пара сотен лет — и нанотехнологии... А пара сотен миллиардов?

(Иллюстрация из жизни: мне едва за шестьдесят, а я помню даже не патефон, а граммофон, с раструбом, был у соседа в нашем переулке, и на нём играли пластинки. А с чего мы слушаем музыку сейчас? Сколько способов записи-воспроизведения сменилось при жизни одного только поколения? — А первый граммофон был запатентован за год до рождения моего прадеда, которого я хорошо помню).

Будет ли у нас эта пара сотен миллиардов лет, мы, разумеется, не знаем (так много астро-

физики вроде бы не обещают). Но мы не знаем и того, понадобится ли для этого так много, может, хватит и одной пары? — Во всяком случае, стоит попробовать. Дать Богу шанс состояться.

Здесь парадокс: получается, что это мы сами, поднатужившись, сделаем из себя Бога. То есть до какого-то момента Его нет, а потом Он появляется... А мы, выходит, «Богоделы».

Но если «сделать Бога» у нас действительно получится, Бог окажется вне пределов времени, т. е. для Него не будет никакого «до», никакого «после», но только одно «всегда». Одна единая, одному Ему присущая Вечность, охватывающая все наши времена со всеми нашими «коллапсами». И это Он окажется Творцом всего на свете, нас в том числе, каким и был ВСЕГДА.

Представить это трудно; для иллюстрации сошлюсь на излюбленную фантастами «петлю во времени»: человек попадает в прошлое и там делает что-то такое, что в дальнейшем позволяет ему попасть в прошлое! Т. е. сам оказывается своим собственным безначальным началом. Примитивно по сравнению со всевечным Богом, но какой-то свет проливает. Мы потому и можем развиваться во времени, что за пределами нашего времени Кто-то что-то для этого делает.

Но пока мы доподлинно этого не знаем, пока мы остаёмся на материалистической позиции, бесконечная череда гравитационных коллапсов начинает выглядеть уже благоприятным

фактором. Не выйдет в этом периоде, получится в другом — на бесконечности любой самый ничтожный шанс, любая возможность непременно осуществляется!

Однако если так, если на бесконечности появление Существа, властного над временем, неизбежно, то значит, Оно уже появилось! — ведь за нами простирается бесконечность ничуть не меньшая, чем перед нами. А появившись, Оно оказывается, как мы уже сказали, безначальным. Бог не во времени, ни прошлое, ни будущее время над Ним не властны; Бог есть всегда. Если Он есть, то ЕСТЬ.

Так Он и говорит о Себе Моисею: «Я есмь Сущий (Ягве)» (Исх 3,14), что значит: «Я есмь Тот, Кто ЕСТЬ».

Выходит, если перспектива бесконечной череды гравитационных коллапсов верна, мы вправе ожидать, что рано или поздно внутри неё произойдет событие, которое её прервёт, охватит время вечностью. Но тогда мы вправе ожидать и того, что в нашем прошлом должны иметься следы такой охваченности вечностью, и мы там их действительно находим: встреча Моисея с Богом у пылающего куста — один из них. Вот каким утешительным салютом обернулись вспышки первовзрывов!

Хуже, если впереди тепловая смерть. Но и до неё достаточно далеко, чтобы имело смысл попытаться. Бесконечного ряда попыток в этом

случае у нас нет, значит, тем более нужно приложить все усилия!

И, по всякому, поскольку на сегодня возможности коллапса и тепловой смерти выглядят как равновероятные, и в первом случае успех практически обеспечен, а во втором — шансы всё-таки больше нуля, то благоприятный исход в сумме оказывается наиболее вероятным. И разумно ставить именно на него (пари Паскаля! — «Если ты ведешь себя, как если бы Бог был, и Он действительно есть, — ты выиграл, если же Его всё-таки нет, ты даже не узнаешь о проигрыше! О проигрыше ты узнаешь, только если Он есть, а ты этим пренебрёг. И потому имеет смысл ставить только на Его бытие»).

Получается, что исходя из сугубо материалистической позиции, мы приходим к значительной вероятности бытия Божия: шансов у нас получается больше пятидесяти из ста. И точно так же, как и в пари Паскаля, в случае проигрыша мы о нём даже не узнаем.

Исходить исключительно из материалистической позиции нет, однако, никакой необходимости. О том, что Бог есть, людям было всегда известно просто потому, что, подобно Моисею, они Его так или иначе встречали.

Но для того, кто до сих пор Его не встретил, вышесказанное может послужить удобными лесами для построения правильной концепции. Потом, когда она построена, леса можно (и нужно!) убрать. Но до какого-то момента они могут

быть полезны. Мне они в своё время помогли: я вовсе не претендую на оригинальность, суть вышеизложенного прекрасно выражена в классической работе о. Тейяра де Шардена «Феномен человека», чтение которой много послужило к моему обращению.

Только не надо слишком за такие леса цепляться, это чревато ересью, как получилось у Ария: выстроив леса — Христос мол поначалу был просто человеком, только очень хорошим, и потому Бог-Отец возвёл Его в Божественное достоинство, и теперь Он справедливо, как Бог, почитается, — Арий не сумел преодолеть неправильный акцент: *был* человеком *до того*, как стал Богом. Но если кто-то Богом стал, значит, Он Богом уже БЫЛ. Для Бога не бывает «до» или «после», поскольку это временные категории, а Бог вне времени. Для Бога есть только ЕСТЬ.

Можно, конечно, в это не верить. Но тогда необходимо отдавать себе отчёт, что это будет именно актом *неверия*, а не философским убеждением. Человек, выбирающий неблагоприятную, и притом менее вероятную перспективу, пренебрегая таким количеством доводов, от Священного Писания и человеческого глаза до граммофона, не философ, а просто пессимист и нытик.